

КНЯЖАЯ ГУБА

Анатолий КОЗЛОВ
г. Санкт-Петербург

Продолжение. Начало в №7-8 2026 г.

15. КОНЕЦ XIX — НАЧАЛО XX ВЕКА

Во второй половине XIX века с развитием техники, появлением пароходов, телеграфа, телефона, машин стали меняться уклад жизни и производственные отношения. Многие поморские становища становились постоянными населёнными пунктами. Появились вольнонаёмные рыболовные артели.

С развитием пароходства и расширением торговых связей происходят изменения и в быту поморов. Входят в употребление керосиновые лампы вместо жировых светильников, самовары, фабричная посуда, иностранные изделия. Исследователь промыслов А. Г. Слезский, посетив Княжью Губу в 1896 году, писал, что жители её «ходят в плисовых шароварах, красных рубахах и в сапогах с длинными голенищами... Они покупаются преимущественно в Норвегии... Женщины ходят в цветных сарафанах и резиновых галошах». Богачи, по словам А. И. Макшеева [1], носили европейский костюм, пили кофе, пользовались карманными часами, выписывали газеты.

В окрестностях Княжой стали появляться производства. Когда построен первый лесозавод в Ковде, мне точно установить не удалось. Единственным фактом является то, что его построил лесопромышленник Николай Русанов. Но, судя по годам жизни Русанова, это могло быть где-то в 70-х, самом начале 80-х годов XIX века. Николай Иванович Русанов [2], уроженец Онежского уезда, Архангельской губернии — известный санкт-петербургский купец первой гильдии, потомственный почётный гражданин, основатель дворянского рода Русановых, крупнейших лесопромышленников Санкт-Петербурга. Среди предприятий, которыми владел Николай Русанов, — кроме лесопильного завода в Ковде, ещё заводы в Архангельске, бывший лесозавод братьев Окуловых, лесозавод на реке Шалице (Шальский), два лесозавода в Санкт-Петербурге, лесозавод на Мезени, лесопильный завод в де-

ревне Антоновской (Усолъе), Владыченский солеваренный завод, кирпичный завод, оптовые склады.

Из беседы с Надеждой Ивановой — жительницей поселения Лесозаводское: «Зарождение Ковдского лесозавода приходится на 1895 год (спустя 13 лет после смерти Русанова. Небольшая историческая неточность лет в 50. Тут, возможно, в какой-то момент перепутали отца с сыном. Но, скорее всего, летопись завода ведётся от постройки того здания, что дожило практически до наших дней и было разрушено в начале XXI века. — А.К.).

Это решение было принято на съезде лесопромышленников севера России. Ковдский лесозавод №7 был построен «под ключ» 29 сентября 1899 года предпринимателями Волковым и финном Нюландером...» Эти данные взяты из книги А. И. Пятракова о возникновении лесопильного завода в Ковде. Скорее всего, это не самый первый завод и не единственный в этих местах.

Ковдский лесозавод был построен в устье реки Ковда, на островах Засечный и Еловец, входящих в архипелаг острова Олений. Посёлок Лесозаводский построен на острове Олений [3]. Со временем пространство между островами Засечный и Еловец и островом Олений было выложено отходами производства — обрезками пиломатериалов, образовавшими причалы, биржу пиломатериалов и биржу сырья, создав единый остров (архипелаг) Олений. От острова Олений вышеназванная территория отделялась противопожарной канавкой с морской водой и бассейном — накопителем брёвен.

Первыми владельцами лесозавода были представители финского капитала И. Е. Волков и К. В. Нюландер. 29 сентября 1899 года окончена постройка завода. Остров и посёлок на острове Еловец объединены между собой в архипелаг Олений. Однако из-за возникших финансовых проблем они уже в 1900 году продали этот завод шведам. Контрольный пакет акций получил оптовый торговец лесом Г. О. Слундин. В русском изложении его фамилия звучала как «Ослунд», поэтому и завод стал больше известен как «Завод Г. Ослунда».

Там же в Ковде в 1901 году построен лесозавод англичанина Г. Стюарта. На этих лесозаводах работали и жители Княжой Губы.

В Ковде располагается морская гидрометеорологическая станция — одна из старейших на Кольском полуострове и работающая до сих пор. В её паспорте записано, что станция основана в апреле 1896 года для освещения района в гидрометеоро-

логическом и синоптическом плане и для обслуживания морского флота, рыбной путины.

В 2001 году финн Вейко Эркиля выпустил книгу на финском языке «Верили во все лучшее». В этой книге он пишет, что карелы и русские в 1890—1900 годах из России ездили в Финляндию на лошадях и оленях. Привозили на продажу рыбу: беломорскую селедку, треску, семгу. Еще шкуры животных: коров, овец, оленей. Эти товары пользовались большим спросом в Финляндии. Путь, который проложили поморы, лежал из Княжой Губы по озеру Ковдозеро через село Конец Ковдозеро. Затем по северной Карелии и озеро Рувозеро, через Тумчу. Этот путь был самый короткий и близкий. В Финляндии поморы закупали промышленные и продуктовые товары. Торговый обмен закончился к началу 30-х годов, утверждает Вейко Эркиля. Он описывает жизнь финнов, которые переселились на берег Кольского залива (Баренцева моря). Здесь на реках Тулома, Лота, Титовка, богатых ценной рыбой (кумжа, форель, семга), быстро выросли финские деревни Западная Лица, Ура Губа, Тулома, Белокаменка и многие другие поселения. Финны организовали рыболовецкие артели, колхозы. Так им легче было приобретать орудия лова, суда, лодки, рыболовное имущество. В деревнях было много скота: коров, овец, оленей. По берегам рек были хорошие сенокосные угодья и места для выпаса скота. В тундре было достаточно корма (ягеля) для оленей.

По вероисповеданию финны были католики. В районном центре Александровске (ныне Полярный) действовала лютеранская церковь. Сами финны ездили из этих мест в Норвегию торговать. Продавали масло коровье, мясо, шкуры и сено. На сено в Норвегии был большой спрос. Вейко Эркиля пишет также и о судьбах финнов и карел, проживавших в Петрозаводске и Карелии. В 1900 году состоялась покупка шведами Ковдского лесозавода с образованием торговой марки «Ковда Coldt».

В 1906 году Ковдский лесозавод был перекуплен. Новым хозяином предприятия стал шведский предприниматель Арендт Бергрэн, который по всем документам числился его владельцем вплоть до 1920 года.

Сам завод — деревянное здание на площади 21, 82 га. Только котельная и здание паровых машин выложено из кирпича. Заводская труба построена в 1900 году. Диаметр трубы 2 м, высота 32 м. Питание паровых котлов производилось из озера, длина водопровода 890 метров. Питательная вода поступа-

ла самотеком из Толстика, длина водопровода 960 метров. Отработанную воду сливали в морской залив.

Электрический свет подавался в дома с самой постройки завода. Позже появились телефон и индукционный коммутатор [4] на 12 телефонов. Отопление на заводе было только в механической мастерской, тарной и распиловочной. Промышленный персонал завода в 1900 году составлял 180 рабочих.

Посёлок лесозавода состоял из 14 домов и двух казарм — общежитий. Один из домов двухэтажный. В нём размещалась школа для шведских и русских детей — на первом этаже. На втором этаже жил учитель и размещались конторы таможни. В посёлке имелся магазин. Продовольствие на завод перевозили морским путём и только летом. Имелся изолятор для больных, позднее — в 1900 году построили больницу.

Одним из основных занятий ковдских жителей была традиционная морская рыбалка. Это передавалось из поколения в поколение. Ещё до постройки лесозавода люди, жившие на побережье, занимались рыбным промыслом. Это являлось основным средством существования. Поэтому на лесозаводе работало мало людей из самой Ковды. Традиции и свобода от тяжёлого двенадцатичасового физического труда были дороже заводских заработков. Упрёк шведов, что русские крестьяне не хотели работать, а предпочитали ловить рыбу, справедлив относительно жителей Ковды. И основными рабочими на Ковдских заводах были вербованные люди из деревень Шенкурского и Онежского уездов Архангельской области.

Грамотное население посёлка, интеллигенция, технический персонал получали газеты и журналы. Основная газета «Архангельские губернские ведомости» издавалась в Архангельске с 1899 года, выходила шесть раз в неделю. С мая 1902 года выпускался журнал «Известия Архангельского общества изучения Русского Севера». Кроме того, ковдские лесозаводы получали издания журналов «Родина», «Нива», «Вокруг света» и т.д. Всего 16 наименований. Были разрешены зрелищные мероприятия, проводились они в библиотеке-читальне и в здании общественного собрания служащих.

В 1909 году в Петербурге защитил докторскую диссертацию врач Иван Николаевич Шмаков, уроженец Ковды. Тема диссертации «Материалы для антропологии русских лекарей». Это первая иссле-

довательская работа на степень доктора медицины, защищённая местным уроженцем. Практиковал Шмаков в Умбе и на Ковдских лесозаводах.

Ковдский лесозавод и посёлок Лесозаводский расположены в губе Ковда Кандалакшского залива Белого моря. Сообщение с внешним миром происходило только морем. При строительстве заводов все материалы, продукты и сырьё для заводов завозились исключительно водным путём. На островах находились четыре лесопильных завода и деревня Ковда. Сюда в 1900-х годах приходил из Архангельска товарно-пассажирский пароход «Князь Константин».

В 1903 году в посёлке начало работать училище.

«До середины 1880-х годов организованной системы школьного образования на Мурманском берегу не было. Решить проблему образования в колониях были призваны церковно-приходские школы, сеть которых начала создаваться с 1884 года... К концу XIX века в колониях Мурманского берега было 3 школы и 1 городское училище. Сеть сельских училищ с интернатами при них для детей отдаленных колоний значительно стала расширяться только после событий 1905 — 1907 годов».

В 1903 году в Княжой Губе открылось сельское училище. Число учащихся постепенно росло, и накануне Февральской революции 1917 года достигло 94 человек — 48 мальчиков и 46 девочек.

В 1908 году был издан «Букварь», по которому, возможно, обучались поморские дети из села. Эта книга выдержала более трех десятков изданий. Сам букварь занимает небольшую первую часть, вторая является молитвословом с поучениями, третья — краткий христианский катехизис.

В селе Княжая Губа церковно-приходская школа появилась только в 1903 году. Она была второклассной (срок обучения в ней был четыре года). Церковно-приходские школы имеют целью «утверждать в народе православное учение веры и нравственности христианской и сообщать первоначальные полезные знания», они открываются приходскими священниками и утверждаются епархиальным архиереем. В них преподавались: Закон Божий, церковное пение, чтение церковной и гражданской печати и письмо, начальные арифметические действия, история церкви и отечества. Преподавание в школах велось по книгам, указанным Священным синодом. Учащиеся школы должны были присутствовать при богослужении.

ях в местной церкви. В данной школе занятия вел местный священник, а также учителя, окончившие педагогические училища. В школе должна была быть библиотека, но она имела незначительное число книг (в основном духовного содержания). (Сведения взяты из «Энциклопедического словаря» Ф. А. Брокгауза — И. А. Ефрона выпуска 1890 г., том 40, стр. 765. — С. Ф. Бородин).

В августе 1905 года все производство лесозавода с его владениями было выкуплено А. Бергером — держателем акций. Новое название «Лесопильный завод Бергера». Началась отгрузка леса за границу.

1905 год — это ещё и время смутных народных волнений — так называемой «первой русской революции». Оно, несомненно, затронуло и Княжую Губу, и, конечно, лесозаводских рабочих. Мы не будем погружаться в подробности. У нас не стоит задача разобраться в политических событиях того времени. Тем более что многие эпизоды той эпохи описаны в книге А. И. Патракова «История Ковдского лесозавода». Но вот вспомнить интересный эпизод, связанный с ними, всё-таки, хочется.

Так, в 1906 году стачку лесозаводских рабочих поддержали моряки с пришедшего в порт Ковды германского парохода «Амелия». Чтобы не допустить общения матросов судна с русскими рабочими, капитан судна дал приказ отойти от причала. Но моряки открыли на судне кингстоны и сошли на берег. Судно затонуло. Оно лежит там и теперь. На небольшой глубине, недалеко от причала.

В 1907 году окончена постройка церкви святого великомученика Георгия Победоносца. Освящена 23 сентября. С построением Княжегубской церкви богослужений в часовне с 1908 года не совершалось — указывалось в церковной ведомости. Согласно ведомости о церкви Княжегубского прихода Кемского уезда Архангельской епархии за 1907 год, сообщается: «Теплая с прихожей, крыта на два ската деревянной крышей, с двумя дверями, из коих одна из крыльца в прихожую, другая из прихожей в часовню, в ней окон с северной стороны однолетней — двое». Сообщается также, что в означенной часовне находятся святые иконы святого великомученика Георгия, Всемилостивого Спаса с атворами (с отворами), святителя и чудотворца Николая, другая икона великомученика Григория. Церковь построена тщанием прихожан. Зданием она деревянная, одноэтажная и одноглавая, с такой же колокольнею

в одной связи, новая, покрыта тесом, обшита тесом и выкрашена снаружи и внутри масляной краской, вокруг церкви деревянная ограда, крепкая и приличная. Построена на деревянном фундаменте и имеет вид продолговатый наподобие корабля.

Среди биологов Ковда известна своими биологическими станциями. С 1908 по 1940 год здесь работала биологическая станция, основанная Константином Карловичем Сент-Илером, профессором Петербургского, Юрьевского и Воронежского университетов. В отчетах Сент-Илера об экспедициях в Ковду за 1908—1915 годы можно найти множество подробных описаний жизни села. По его наблюдениям, Ковденский залив не отличается глубиной, самые большие глубины в заливе 6-10 сажен [5].

Ещё Сент-Илер сообщает: «Климатические условия в Ковде — довольно благоприятны. Старожилы утверждают, что в настоящее время климат стал несколько суровее. Лет 15 тому назад на открытом воздухе, говорят, вызревали огурцы. И теперь на заводах можно найти в садах овощи, землянику и пр., растущая без прикрытия».

Основные занятия и промыслы жителей Княжей Губы до 1913 года: рыболовство (сельдяной промысел) — основное занятие, оленеводство, извоз, поделки тары различных видов.

В 1910 году в Княжегубском сельском обществе насчитывалось 115 человек мужского и 130 человек женского пола, проживавших в 52 дворах. Чужаков, так называемой «приживы» — русских, финнов, карелов и шведов — было 28 дворов. Угодьями — семужими и сельдяными тонями — владели только коренные жители, так называемые общинники. Скота держали: 30 коров, 35 лошадей, 150 овец и 150 оленей.

В 1914 году Княжая Губа насчитывала 60 дворов, 270 жителей.

С началом Первой мировой войны в 1914 году пути сообщения России с союзниками по блоку — Англией и Францией — через Чёрное и Балтийское моря прервались. Там теперь хозяйничал немецкий флот с союзниками. Позже [6] это же станет причиной эвакуации 40-тысячного чехословацкого корпуса через Владивосток.

В европейской части России только один архангельский порт обеспечивал относительную безопасность. Но Белое море надолго покрывалось льдом, и судоходство шло не более семи месяцев в году.

Поэтому в декабре 1914 года было принято решение строить железную дорогу к незамерзающему Кольскому заливу. Княжая Губа и её жители приняли непосредственное участие в этом строительстве.

Летом 1915 года на берегу Ковдозера, в нескольких сотнях метров от будущей дороги, построили лесозавод по производству пиломатериалов для нужд строительства железной дороги. Развитие Княжой Губы с появлением дороги продолжилось. Во много раз увеличилось снабжение и количество проезжающих.

В самой Княжой Губе построили пристань, куда прибывали из Архангельска транспортные суда с людьми, инвентарём, оборудованием и продовольствием. От пристани сразу же начали прокладывать вспомогательную пятикилометровую железнодорожную ветку.

Через год сюда пароходами доставили несколько паровозов, платформ и оборудования. Помимо местного населения, на строительстве работали и приезжие — китайцы, корейцы, финны. А позже и военнопленные [7] — австрийцы, венгры и немцы.

Трифонов-Печенгский монастырь в начале XX века при настоятеле архимандрите Ионафане (от 1915 г.) силами соловецкой братии достиг высокого духовного и хозяйственного уровня.

В 1916 году закончено строительство железной дороги Петроград — Романов-на-Мурмане.

С постройкой железной дороги Петроград — Мурманск проложили тропу от завода на станцию Ковда. Эта дорога длиной 12 км представляла собой гать — то есть была выложена брёвнами. По обочинам тротуары-мосточки. Зимой дорога удлинялась на 3 км, так как проходила через залив и Запань в Ковде.

До Октябрьской революции многие из сельчан жили зажиточно, в море ловили много рыбы, в хозяйстве имели домашних оленей. На «рыбные» деньги строили новые дома, приобретались невода и моторные лодки. Море приносило основной доход местному населению.

Каждый год в путину в Княжую Губу на лов сельди приходили рыбаки из Карелии и Финляндии. Они по найму работали на тонях. В конце сезона некоторые оставались жить в селении.

Зимой из Княжой на оленьих упряжках отправлялись возы с семгой в Улеаборг для дальнейшей отправки по железной дороге в Петербург.

16. ЛЕТО 1918 ГОДА — ВХОД В СЕЛО ФИНСКОГО ЛЕГИОНА

23 января (5 февраля) 1918 года вышел декрет, впоследствии названный в прессе: «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». По данному декрету церковь лишалась права юридического лица, церковному обществу запрещалось владеть собственностью, имущество её национализировалось. Запрещалось: преподавать вероучения в учебных заведениях, ведение записи актов гражданского состояния. Все это происходило в условиях Гражданской войны, фактической оккупации Мурманского края Антантой и борьбы большевиков и Белого движения за власть на Мурмане.

В январе 1918 года началась революция и в Финляндии. Юг страны был под властью рабочих, а в северных районах установилась финская белая власть. Рабочие северных районов, не имея вооружения для сопротивления, вынуждены были укрыться на советской территории, в том числе и в Княжой Губе, Ковдозере, Кандалакше.

Вместе с финнами, трудившимися на постройке дороги, они организовали отряд к середине марта 1918 года. В это время белые финские части вторглись на советскую территорию для захвата Карелии и Кольского полуострова по разным направлениям, в том числе и на Кандалакшском и Княжегубском.

После полуторамесячных боёв в районах Северной Карелии: Толванта и Куртти, Рувы и Сокологера финских захватчиков отбросили из Карелии.

Финские красные отряды вернулись в Кандалакшу и Княжую Губу. Так, в Княжой Губе летом 1918 года разместился финский легион численностью до 400 бойцов. Они охраняли железную дорогу, часть легиона расположилась между Княжой и финской границей.

К лету революция в Финляндии потерпела поражение, а на Мурмане, под предлогом защиты от наступающих немцев, высадились войска Антанты: французы, англичане, американцы. Общей численностью около десяти тысяч.

Поскольку на словах речь шла о войне против немцев, и находясь в безвыходном положении, финское революционное руководство, находившееся на советской территории, пыталось договориться об использовании их частей только на германском фронте или против белофиннов. Такая договорённость вроде бы была достигнута, но вскоре от союзников поступил приказ отправляться на фронт

воевать против большевиков. Финны приказ не выполнили, и в конце августа их около полутора тысяч вывезли в Мурманск для отправки в Финляндию. Активный участник борьбы за установление советской власти И. К. Поспелов утверждает, что в легионе было около 2000 штыков. Часть легионеров осталась в советской России и приняла участие в Гражданской войне.

* * *

К 25 февраля 1920 года советская власть окончательно установилась на Мурмане и в Княжой Губе.

В селе Княжая Губа по переписи населения в 1920 году насчитывалось: число дворов — 125 (из них 75 — русских, 47 — карельских, 3 — финских), мужчин — 239, женщин — 317, обоего пола — 556 человек.

Гражданская война и интервенция нанесли немалый урон экономике края. Добыча рыбы упала до 50 процентов довоенного уровня. Значительно сократилось поголовье оленей, овец и прочей живности. На железной дороге царил разруха: половина вагонов находилась в неисправном состоянии. Исправных паровозов только четверть от всего парка. Да и сам железнодорожный путь, сооружённый в спешке нуждался в ремонте.

Но уже летом 1920 года в Петроград и Мурманск пошли поезда с дровами и лесом. Правда, пока в недостаточном количестве. В 1921 году Совет труда и обороны принял решение достраивать Мурманскую железную дорогу хозяйственным способом.

После прихода советской власти до 1938 года Княжая Губа оказалась в составе территорий Карельской АССР. В 1920 году произошла национализация всех лесных хозяйств. В 1922 году на станции Княжая построили временный лесозавод.

Разорение Печенгского монастыря началось в конце 1920 года. Между Советской Россией и Финляндией был заключён Дерптский (Тартуский) мирный договор, согласно которому Печенга присоединилась к Финляндии. Ликвидированный для Советской России монастырь более 60 лет продолжил свою жизнь на чужой территории. Валаамский старец схиигумен Иоанн (Алексеев), до принятия схимы — игумен Иакинф, в период с октября 1921 года по октябрь 1931 года был настоятелем Трифоно-Печенгского монастыря.

17. 1922 ГОД. ОЧЕРЕДНАЯ ПОПЫТКА ФИННОВ ЗАХВАТИТЬ РУССКИЙ СЕВЕР

В начале XIX века, после присоединения Финляндии к Российской империи, между Финляндией и Олонецкой губернией установились тесные связи, в том числе культурные, с двусторонней миграцией населения и смешанными браками.

К началу XX века в Финляндии сформировалась многочисленная и активная карельская диаспора. В 1906 году в Тампере прошёл учредительный съезд «Союза беломорских карел».

Февральская революция и октябрьский переворот 1917 года, события Гражданской войны тоже не прошли без последствий. 10 октября 1920 года в Хельсинки был создан «Карельский союз», в руководство которого вошли представители правящих кругов Финляндии.

Финская диаспора, проживавшая на территории Карельской Трудовой Коммуны, не только мечтала, но и вынашивала планы о «Великой Финляндии» с границей по Неве, Свири и от Повенца до Онежского залива Белого моря. Желание исправить «позорный мир» Тартуского договора, недовольство населения Восточной Карелии недостатком продовольствия, тяжёлым экономическим положением в составе Советской России — всё это стало причиной войны.

Большую часть участников восстания на первом этапе составили российские карелы, бежавшие в Финляндию после Первой советско-финляндской войны 1918—1920 годов. В боевых действиях в Карелии также приняли участие 550 финских добровольцев.

Правительство Финляндии тоже оказывало прямую политическую и дипломатическую поддержку карельским повстанцам. На территории Эстонии производился сбор помощи мятежникам.

Летом 1921 года началась подготовка к вооружённому восстанию в Восточной Карелии. Создавались материальные запасы, и шла агитация местного населения, в которой участвовали финские активисты.

С начала октября 1921 года с территории Финляндии на советскую территорию перешли несколько вооружённых отрядов, называвших себя «лесными партизанами» (фин. metsäsissit). Они в течение месяца заняли в приграничной зоне 15 деревень и населённых пунктов, приступили к организации и вооружению местных сторонников, занимались агитацией и вели разведку.

В середине октября 1921 года в Тунгудской волости был создан «Временный Карельский комитет».

«Комитет» объявил мобилизацию мужчин в возрасте от 17 до 40 лет. В проведении мобилизации принимали участие финские офицеры.

Боевые действия начались 6 ноября 1921 года со вторжения карело-финских вооружённых отрядов в Восточную Карелию. В начальный период эти отряды численностью до 2500 человек уничтожали административные органы и сторонников советской власти, стремились разрушить коммуникации и Мурманскую железную дорогу, устраивали засады и атаковали подразделения советских войск.

В начале декабря 1921 года к боевым действиям против советских войск также подключились отряды из участников Кронштадтского мятежа [8], сформированные в Финляндии.

26 декабря 1921 года советские войска перешли в наступление из района Петрозаводска и к началу января 1922 года разбили основные силы противника. 29 декабря 1921 года части РККА заняли Поросозеро, 16 января 1922 года — Реболы, 20 января 1922 года — Кимасозеро, 25 января северная группировка советских войск заняла Кестеньгу и Кокисальму, а 5 февраля — Тихозеро. 7 февраля 1922 года советские войска заняли «столицу» повстанцев — село Ухта. К середине февраля карело-финские войска были выбиты из Восточной Карелии, 17 февраля 1922 года боевые действия закончились.

В боевых действиях против карельских мятежников приняли участие местные жители, в частности на Ковдском лесозаводе сформированы части особого назначения (ЧОН).

С самого 1914 года до 1924 года жилищного строительства в посёлке Лесозавода практически не было. Только в 1924 году началось строительство центрального посёлка. Около десятка домов были заложены в 1924 году на улице Центральной. В 1925 году начали строить клуб. Всего в двадцатых годах было построено 43 дома. Тогда же в центре посёлка построили здание общежития, ставшее позже столовой для пострадавших от голода в Поволжье. В настоящее время там находятся телевизионные передатчики.

Цифры по 1924 году, взятые из информационного бюллетеня «Рыбные промыслы Карельского берега Белого моря» [9]:

Село Княжая Губа: домов — 140, амбаров — 41, бани — 47, лошадей — 38, оленей — 88, коров 123,

овец — 280, свиней 27. Занятых рыболовством — 592 (мужчин — 406, женщин — 186), неводов — 60, вешала для них — 28. Занятых охотой — 10 чел. (Убито зверя — 135 шт., птицы — 220 шт.) Занятых зверобойным промыслом — 5 (добыто зверя — 22 шт.).

Основной вид деятельности проживающего в селе взрослого населения по-прежнему рыболовство. Добыча селедки происходит в весеннюю, летнюю и осеннюю путины, а также лов семги. Помимо этого в море ловится кумжа и сиг из наиболее ценных пород рыб, а также мелкая треска (пертуй) и камбала. Для этих видов промысла в округе села существуют тони.

В это время начала подниматься лесная промышленность. Уже в 1924 году два национализированных ковдских лесозавода были восстановлены и начали выпуск и отгрузку продукции на экспорт.

Постепенно восстанавливался и рыбный промысел. К весенней путине 1925 года в Кандалакше и Княжой Губе построили склады, рассчитанные на 80 тысяч пудов рыбы.

В Княжой Губе организовали производство малых промысловых судов: карбасов, ёл и изготовление рыболовных сетей.

Судя по этим данным, там имелись и соответствующие специалисты.

В рыбацких селениях появилась государственная торговля, что резко снизило, а затем и устранило частную торговлю. В 1927 году в Княжой Губе образовано рыбопромысловое товарищество. В первом полугодии 1928 года оно объединило 140 рыбаков — три четверти всех хозяйств. Они заготовили 535 тонн сельди — половину улова всего района. За счёт прибыли построили бондарную мастерскую на пять рабочих мест, обзавелись складами на 500 тонн. Вскоре в это товарищество вступили некоторые жители из деревни Лягкомино, Пажмы, Моши, Конец-Ковдозера.

В 1929 году 1 августа в Княжой Губе организовался первый колхоз «Беднота».

По сравнению с 1921 годом население Княжой Губы выросло на треть.

1 сентября образован колхоз «Беломорский рыбац», 15 декабря — колхозы «Моряк» и «Начало».

Действующая железная дорога во многом способствовала развитию края — горнорудной и химической промышленности, заложены основы гидроэнергетики и металлургии.

В начале 1930-х годов вблизи старого бассейна Ковдозера, неподалёку от станции Княжая, начато строительство лесоперевалочной базы со шпалозаводом и железнодорожной веткой к ним.

19. ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ КНЯЖОЙ ГУБЫ. ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ В 20-Е ГОДЫ. ОСНОВНЫЕ ЗАНЯТИЯ И ПРОМЫСЛЫ ЖИТЕЛЕЙ

Максим Иванович Гаврилов, местный житель, вспоминает: «...Деревня Княжая, насчитывающая около сотни дворов, располагалась по обе стороны берега губы, разделенная в середине небольшой речкой. Сложилось так, что на одной ее стороне проживали карельские семьи, а на другой — русские. Но русские отлично понимали карельский язык и, наоборот, карелы — русскую речь. Деревню окружали горы, и она находилась в ложбине. Поля были небольшие. Кругом скаты, болота. Крестьяне выращивали картошку и репу, некоторые держали коров и оленей. Олени использовались и как рабочая, тягловая сила, на них возили дрова, сено, навоз, разные грузы. Осенью оленей загоняли в специальные огороды-загоны и клеймили молодняк. У каждого хозяина оленей было свое условное клеймо, которое вырезалось на краю ушка животного.

В деревне была школа начальная, а позднее неполная средняя. В ней я и стал учиться в 1929 году. Школа находилась в раскулаченном доме П.П. Кемова. В зимнюю пору многие из нас добирались туда на лыжах. Хороший был спорт, на свежем воздухе, ежедневно по несколько километров» [10]. «Но творились в нашей деревне и трагические дела. Это обычно в престольные праздники — Пасху, под Новый год. Мужики, вырвавшись на праздники с лесозаготовок и рыбацких тоней, напивались в эти праздники до бессознания. Тогда начиналась перепалка. Лупили друг друга чем попало: поленьями, кольями, вилами, ножами. Одиночный кулачный мордобой принимал порой массовый характер, в котором принимали участие с одной и другой стороны деревни несколько групп здоровых мужиков. Женщины с грудными детьми выбегали на улицу, собираясь где-то поодаль от схватки, кричали и плакали, умоляли прекратить драку. А мы, побольше которые были, бегали кругом и подпрыгивали от радости, если «ненашен-

ских» били. Каждый такой праздник дорого обходился многим деревенским семьям. То и дело после подобных «праздников» деревенское кладбище пополнялось новыми холмами...»

В Княжой Губе появилась библиотека. В 1928 году её фонд превышал 1,5 тысячи книг, а число читателей составило 118 человек.

В 1930 году колхозы «Беднота» и «Беломорский рыбак» слились, образовав колхоз «Заветы Ильича». А в 1931 году весной к нему присоединились остальные колхозы.

В 1930 году неподалёку от станции Княжая начато строительство лесоперевалочной базы со шпалозаводом. Однако рабочих рук не хватало в связи с отсутствием специальной техники. Железнодорожную ветку подвоза достроить не удалось. Лес пришлось переправлять к старому лесозаводу в район Подтайболы. Работы шли вручную. До ледостава успели выкатить 102 тысячи брёвен из планируемых 170 000.

Вместе со всей большой страной прошла Княжая Губа и период раскулачивания. Тоже весьма неоднозначный процесс в нашей истории.

Думаю, нынешним поколениям надо объяснить, хотя бы в теории, что такое раскулачивание. Поскольку современная экономическая политика России развёрнута прямо в противоположную сторону. Для начала предложим такое определение: «Раскулачивание — политическая репрессия, применявшаяся в административном порядке местными органами исполнительной власти по политическим и социальным признакам».

Сам термин «кулак» и явление кулачества придумали не большевики. Оно возникло ещё в конце XIX — в начале XX века. Кулак — это крестьянин, возжелавший жить самостоятельно от крестьянской общины. И это следствие как минимум двух важных факторов: ослабления влияния православной веры и в связи с этим ослабления влияния крестьянской общины — «общества» и проявление индивидуализма.

Из этого видно, что кулачество — это явление более духовное — начало проявления индивидуализма, зарождавшегося в русском обществе и проявившего себя в экономике деревни в таком виде. А происходило это всё под влиянием западных тенденций, возникших там с приходом капитализма. И сопровождалось отъёмом земли у крестьян и даже в отдельных странах и областях — ликвидацией крестьянства.

В Российской империи распространение кулачества характеризовалось отъёмом земли у крестьянской общины, всеми правдами и, что хуже, неправдами. Это вело к обеднению крестьян и упадку деревни. Чтобы сохранить крестьянские общины, министр Петр Аркадьевич Столыпин предложил переселение крестьян в Сибирь. Хочешь быть самостоятельным и иметь собственную землю — пожалуйста, поезжай, бери сколько сможешь обработать. Земли — достаточно. Только не разрушай общину.

Новая же власть ликвидировала всякий индивидуализм, частную собственность и их носителей. В деревне представителями частнособственнического уклада были «кулаки». Однако по советским декретам кулаком считалось любое зажиточное хозяйство, особенно если там ещё использовали наёмный труд. Но были и уточнения на местах. Нередко к кулакам причисляли просто тех, у кого была лошадь или сразу две коровы. Но ведь и семьи были разные по количеству едоков! А в районах Южной Сибири по советским меркам к кулакам можно было причислять всех. Словом, без перегибов, мягко говоря, не обошлось.

В основе кулачества лежит стремление человека быть самостоятельным на своей земле. Быть самому себе хозяином. Плохо ли, хорошо ли это — вопрос отдельный. Можно спорить по поводу индивидуального и коллективного труда в деревне.

Но 30 января 1930 года вышло постановления ЦК ВКП(б) [11] «О мерах по ликвидации кулачества как класса». Этим постановлением загнали в подполье предпринимательскую деятельность в деревне на целых 70 лет!

Были созданы комитеты бедноты (комбеды) [12]. Они руководили перераспределением конфискованных земель на местах и распределением конфискованного инвентаря, изъятых продовольственных «излишков». Было изъято 50 миллионов гектаров «кулацкой» земли.

Согласно постановлению от 30 января 1930 года, кулаков разделили на три категории:

- первая категория — контрреволюционный актив, организаторы террористических актов и восстаний;

- вторая категория — остальная часть контрреволюционного актива из наиболее богатых кулаков и полупомещиков;

- третья категория — остальные кулаки.

В качестве репрессивных мер ОГПУ было предложено по отношению к первой и второй категориям направить в концлагеря 60 тыс., выселить 150 тыс. кулаков.

Раскулачивали наиболее зажиточных и работоспособных поморов в селе. В книге С.Ф. Бородинки «Книга памяти жертв политических репрессий» [13] о пострадавших от раскулачивания есть более конкретные факты. Думаем, нет смысла их повторять в нашем повествовании.

«За что раскулачивали в 20-е—30-е годы, — пишет Бородинкин. — Имел несколько неводов и ставных сетей для вылова рыб, имел моторный бот, имел приработок на стороне, имел торговую лавку, использовал труд наемных рыбаков. Причин, по которым раскулачивали, было много, но самая главная причина у тех, кто приходил описывать имущество зажиточных людей, была людская зависть на «богатство» соседа, а у других — лень к труду».

Село Княжая Губа считалось зажиточным. По воспоминаниям местных жителей, когда забивали оленей, то делились мясом с неимущими. Стали организовывать колхозные бригады по вылову рыбы. Всю заготовленную рыбу сдавали на переработку в Кандалакшский рыбоконсервный завод.

В 1931 году на территории Княжегубского сельсовета построили кирпичный завод. Он в течение ряда лет ежегодно выпускал от 500 до 900 тысяч штук кирпича из местной глины. Из него клали печи и лесозаготовители, и железнодорожники, строители Нива ГЭС, и рыбаки Княжой Губы. При этом, как сообщает в своей книге «Княжая Губа» Береснев: «многие (из тех, кто трудился на заводе. — А.К) жили даже в землянках».

В первые годы советской власти развернулось движение молодежи за закрытие церквей. Кое-где они даже были закрыты, несмотря на возражения верующих.

Наибольший накал борьбы за закрытие церкви в селе достиг осенью 1931 года. Н. П. Береснев утверждает вместе с учительницей А. О. Островской, что была общая сходка граждан и было принято решение о закрытии церкви и открытии клуба. А участники протеста шумели, опустились на землю и кричали (комсомольцам): «Только через наши трупы войдете в церковь!» Решения в дальнейшем о закрытии церкви принимали общественные организации и педсовет школы села. А уже потом были приняты решения президиума Княжегубского сельсовета.

Изъятие церковных ценностей на Севере проходило волнами по определению мурманской ученой Ю. П. Бардиловой: 1 этап — 1918 г. — июнь 1922 г. Жители Княжой Губы, члены православной общины, как могли, защищали свою церковь от фактического разграбления. Вместо церковных ценностей они предложили властям замену: собрали к отправке для голодающих страны несколько сот пудов сельди. [14] Несмотря на репрессии со стороны властей, православная церковь в селе продолжала работать вплоть до 1938 года. В ней исполнялись все службы, заведенные по чину православной церкви.

Во время моего пребывания в Княжой Губе в 2023 году, в беседе с местными жителями мне сообщили, что в Княжой была церковь Георгия Победоносца и её разорили в 1933 году. Тогда, говорили, иконы плавали по ручью.

«По инициативе комсомольской ячейки в одном из пустующих домов открыли клуб. Комсомольцы и молодежь подготовили спектакль на антирелигиозную тему. Как сейчас помню, первую постановку осуществили в религиозный праздник Пасхи. В клубе собралось полно народу. Люди с интересом смотрели спектакль, танцевали. А рядом в церкви шло богослужение, на него собралось народу значительно меньше, чем в клуб. В этот день доход попа резко уменьшился. Жители села, в особенности молодые, предпочли пойти в клуб» [15].

Вспоминает Полубелова (Ахо Енни) Евгения Александровна, 1927 года рождения: «В 1935 году я пошла учиться в 1 класс, где обучалась на финском языке. Вместе со мной учились финские и карельские дети. Детей было мало, поэтому 1 и 2 классы, 3 и 4 классы обучались вместе. Обучались в сельской школе в две смены. Параллельно с нами в начальных классах обучались русские дети. До войны начальные классы размещались в здании церковно-приходской школы, а старшие — в доме раскулаченного Кемова П. В то время мы получали минимальные знания: учились читать, чисто и красиво писать, считать.

В 1932 — 33 годах в нашем районе «особисты» нашли скрытых врагов революции и привлекли к ответственности по Делу «Кандалакшской контрреволюционной ячейки из «Заговора Финского генштаба» [16].

«В 1930–1938 годах начались репрессии со стороны советских властей. Притеснялись и арестовывались в основном мужчины. В 1940 году женщин с детьми выселили в Карелию. Везли их в необо-

рудованных вагонах. Уничтожили богатые финские деревни из Мурманского края. Этих людей оставили жить в Медвежьегорске, Кондопоге, Беломорске (Сорока). В начале войны 1941 года всех финнов, большинство карелов эвакуировали в Архангельскую, Челябинскую области и на Алтай. Подростков 17-18 лет погрузили в отдельные вагоны. Ребята были уверены, что их отправят в армию, но их привезли на Алтай, где они работали в шахтах. Многие из тех детей погибли от голода и болезней». Так пишет в своей книге «Где у перелетной птицы Родина?» финн Свен Локко — сын репрессированного отца. Он живет в поселке Верхнетуломский Мурманской области. Свою книгу он написал на финском языке и выпустил её в Хельсинки (Финляндия) в 1999 году.

Однако я сам был года два назад в Лахденпохье, где как раз в местном музее получили рассекреченные документы. В них говорится, что перед войной (в 1939—1940 гг.) в Финляндии уничтожили почти всё русское население. Цифры мне не приводили, но факт, что истребление (не ссылки в лагеря) было тотальным.

В тридцатых годах в лесозаводском посёлке стали закладывать и строить восьмиквартирные двухэтажные дома, в которых были большие квартиры с огромными окнами. Но туда вселяли по три семьи. Получались коммунальные квартиры — одна кухня на три комнаты.

В 1931 году разобрали церковь и таможенную лесозавода 44 на острове Берёзовый. Всё перевезли в посёлок Лесозаводский. Построили амбулаторию с аптекой, столовую и магазин [17].

В 1937 году — к юбилею 20-летия Октября организован колхоз «Коммунар». В этом же году в посёлке Лесозаводском возвели новую двухэтажную школу. Позже, рядом — двухэтажный новейший дом для специалистов и передовиков производства «Дом будущего» [18]. Поощрялось строительство индивидуальных домов — силами застройщиков.

Рассказывает Полубелова Евгения Александровна: «Помню свою работу в колхозе «Коммунар» с 1943 года. До 40-х годов он был рыболовецким, так как доходы от рыболовства превышали остальные статьи бюджета».

С образованием Мурманской области Кандалакшский район передан административному делению Мурманской области. В 1938 году после

перехода в состав Мурманской области в селе был создан Княжегубский сельсовет [19], в ведение которого перешла часть территорий Кандалакшского района.

В 1938 году лесозаводы стали нумероваться под номерами 7 и 8.

20. ЦЕРКОВНАЯ ЖИЗНЬ В СЕЛЕ В 20-30-е ГОДЫ. ЗАКРЫТИЕ ЦЕРКВИ И ОТКРЫТИЕ В НЕЙ КЛУБА. РЕПРЕССИИ 30-х

Кровавый террор охватил край уже в первый год установления и существования советской власти. Прежде всего, пострадали православные священники, которые служили в действующей церкви святого великомученика Георгия Победоносца. Это Богданов Александр Ионович, его сын Алексей, а также Боголепов Вениамин Федорович. Они приняли мученическую смерть.

«В селе в 30-е годы была церковь и часовня. Хорошо сохранилась, выкрашена в светло-зеленый цвет. У церкви было высокое крыльцо. Нам, пионерам, не разрешали входить в церковь, выгоняли. Я была маленькой. Около церкви и часовни находилось кладбище. Фамилия священника — Боголепов, его потом арестовали. У них был большой дом, находился на возвышенности. Помню, что в доме у них было много цветов — фикусы, пальмы. Я училась с его внучкой Маргаритой в 3-м классе. Батюшка был добрый, хороший. Любил рыбную ловлю. Когда церковь закрыли, в ней устроили клуб» [20].

«Только 28 сентября 1939 года на заседании президиума Кандалакшского райисполкома рассматривается вопрос «О закрытии церкви в селе Княжая Губа». Вопрос № 329. Слушали: «Ввиду того, что церковь в селе Княжая не работает с 30 марта 1938 года, двадцатка, которая существовала при церкви, распалась. Поэтому помещение церкви считать как бесхозное. Постановили: ходатайство Княжегубского сельсовета об использовании церкви под клуб удовлетворить... Войти с ходатайством перед Верховным Советом РСФСР об использовании здания церкви под клуб». Со священнослужителями власть «разобралась», церковь переоборудовали под клуб. И все это накануне войны.

В 1938 году (времена репрессий) закрыли финские классы. Жгли книги на финском языке.

Нам запрещали в общественных местах говорить по-фински. Детей из финских классов перевели в

русские. Это сильно сказалось на успеваемости: мы плохо понимали объяснения русских учителей. У меня и еще у других финских детей отцы были арестованы по подозрению во вредительстве, нас в школе обзывали по-всякому».

«30 ноября 1939 года началась Советско-финляндская война, которая, кроме прочего, нанесла ещё большой урон Печенгскому монастырю и братии. В ходе Советско-финляндской войны 1939–40 годов 14 монахов монастыря (в их числе наместник монастыря игумен Паисий, эконо́м, духовник) были арестованы органами НКВД и подвергнуты репрессиям.

В 1940 году на ковдском лесозаводе работали 760 рабочих. В этом году открыли новую школу-семилетку. В селе построили новую рубленую двухэтажную школу. Она была просторная, но холодная. Отопление печное, дров было мало. Освещение — керосиновые лампы».

До войны (1941—1945 годов) и после нее в селе Княжая Губа отмечали церковные праздники: Рождество Христово, Крещение Господне, День Святой Троицы, День святых апостолов Петра и Павла, покров Святой Богородицы и другие. В домах пекли пироги, варили брагу.

Не обошла стороной Зимняя Советско-финляндская война 1939–40 годов и княжегубцев. Мужчин призвали в армию. Не все вернулись с фронта из тех, кто принял в ней участие. Война была тяжёлая, с большими потерями в Красной армии, особенно на начальном этапе боевых действий.

Рассказывает Анатолий Алексеевич Шошин: «Дед был сезонный рабочий. Он сюда ездил в Лесозаводский. Лет около десяти. А потом перевёз сюда семью. У моего отца дети появились уже здесь. В этом году этому дому [21] — точно 85 лет. Дело было перед войной. Когда говорят, что война была ожидаема — это неправда. Её не ждали.

Отец имел 4 класса образования — человек умный и мудрый. Вот его семья из Шошенской области. Пятеро сыновей и дочь. Он старший. Когда началась война, ушли на фронт все пятеро. Все вернулись. Покалеченные. Отец был ранен в сентябре 1941 года. После этого он так в себя и не пришёл. В 1946-м умер в Ленинграде в Военно-медицинской академии.

Но к войне он готовился. Дом построил. Сушил сухари. Весь дом провонял, мать ругала его —

очень не нравилось. А он ей говорил: «Манюшка, война будет. Меня заберут — вернусь я или нет, я не знаю. А у тебя сухарики будут...»

Началась война. Она ела сухари всю войну. Трое детей, гости постоянно были в доме. Всех встречала, всех угощала — все ели сухарики. После ранения отца подлечили, и он работал в Мурманске. Приезжал сюда. Потом за домом смотрела мама. Она умерла. Дом по наследству достался мне. Шесть лет, работая в Мурманске, я за ним следил. Как на пенсию — так сюда. Сейчас 23 года мы живём в этом доме».

21. 1941—1945. КНЯЖАЯ ГУБА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Эвакуированные приехали из ближних районов, были переселенцы из Удмуртии и всего СССР.

Кировская (бывшая Мурманская) железная дорога имела важное стратегическое значение, поэтому с первых дней на неё обрушились массированные бомбовые удары. А. Г. Нечаев, бывший тогда начальником станции, рассказывал, что уже в первый день войны над Княжой кружили вражеские самолёты. На следующий день подвергся бомбардировке перегон Княжая—Гангос.

— Особенно жутким, — вспоминал Нечаев, — был день пятнадцатого сентября... Семнадцать человек убиты, девять ранены. Прямым попаданием разбито здание станции.

С самого начала войны до второй половины 1943 года редкий день обходился без налёта. Кроме обычных бомбардировок, в сумерки периодически являлось по два самолёта. Низко двигаясь вдоль железнодорожного полотна, они сбрасывали 50-100-килограммовые бомбы со взрывателем замедленного действия. Приходилось их обезвреживать.

Особенное внимание захватчиков привлекал большой ковдский мост. Стоило вывести его из строя — и движение прерывалось надолго.

Перед войной, — рассказывают местные жители (А. К.), — 8 хозяйств занимались оленеводством. Оленей содержалось от 80 до 100 голов. Олени были полудикие, и когда во время войны бомбили ковдский мост, они разбежались. После войны оленеводство так и не смогли восстановить.

В районе ряда станций были дислоцированы ПВО. Чтобы не дать вражеской авиации садиться

на лёд губы и озера, местные жители в лёд вставляли длинные колья, заграждая посадочную полосу.

Противник бомбил лесобазу, Княжую Губу, лесопункты. В Княжой и Пажме разрушены школы.

Рассказывает Лидия Ивановна Спиркова (в девичестве Кивелева): «О Великой Отечественной войне можно рассказывать долго: как жили и трудились взрослое население и как помогали дети в те трудные дни. Помню как сейчас первый день войны, 22 июня 1941 года. Мы услышали гул пролетающего высоко самолета. Это был самолет-разведчик. Село в первые дни войны опустело: всех, кому исполнилось 18 лет и старше, призвали в действующую Красную армию. Воздушные бои, слышали взрывы бомб на железнодорожной станции за 10 километров от села. В домах дрожали стекла. В школе после одной из таких бомбежек вылетели стекла из рам. Нас, детей, временно попросили перейти в другое помещение. Несмотря на трудности, в селе жили и упорно трудились, приближая День Победы. А сколько не вернулось с фронта наших мальчиков и девушек? А кто пришел с серьезными ранениями — недолго прожили [22].

В селе и на лесобазе формировали истребительные отряды. С октября 1941-го начато всеобщее военное обучение. Многие княжегубцы с сентября по декабрь 1941 года строили оборонительные сооружения у линии фронта.

В своей книге «Славлю Ковдозеро!» Станислав Бородин пишет воспоминания своей матери о войне: «...Жители деревни [23], да и она сама, с детьми бегали укрываться в лес от нападавших немецких самолётов. Обычно самолёты летели строем из Финляндии на станцию Княжая — бомбить железную дорогу, а при развороте возле деревни обязательно обстреливали из пулемётов любую живую мишень. Доставалось и постройкам...

Чем жили люди тогда? Природа помогала. Через реку шли сёмга, хариус, сиг, в озере водились щука, окунь, плотва. Ловили рыбу женщины. На огородах выращивали картошку, даже весеннюю бруснику собирали...»

Однако и промысловые трудовые будни продолжались. Ушедших на фронт мужчин заменяли женщины. В 1943 году на ковдском лесозаводе было 182 рабочих. Учащиеся и учителя вносили деньги в фонд обороны на постройку военной техники.

С началом Великой Отечественной войны Печенгский монастырь снова оказался в эпицентре боевых действий. Монастырское имущество вывезли в город Куопио в Финляндии. Размещавшиеся в Нижнем монастыре с августа 1941-го германские воинские части, обустроивая в своих нуждах церковное здание, значительно изменили его конструкцию. В 1944-м, во время боевых действий сгорел Верхний монастырь. Монахи вынуждены были покинуть печенгскую землю. В 1944 году печенгские монахи прибыли в Новый Валаам — на территории Финляндии, и продолжили там богослужения совместно с валаамскими собратьями по вере. С кончиной монаха Акакия в возрасте 110 лет [24], завершился финский период в истории Трифоно-Печенгского монастыря.

С 1943 года круто изменилась государственная политика в отношении религий, и, в частности, к Русской православной церкви. Это стало неоспоримым важным фактором в подъёме национального самосознания народа. В селе Ковда в то время церковь продолжала работать.

Деревня Княжая Губа в годы Великой Отечественной войны стала большим приемным пунктом эвакуированных граждан из лесных населенных пунктов Конец Ковдозера, Моши, Пажмы, Габрижа и Сенного, а также из разных мест Советского Союза. Размещались все в тех же деревенских домах, что стояли на берегу залива Белого моря.

Одна из переселенных из Удмуртии Юлия Николаевна Чалкова (девичья фамилия — Богданова) 1930 года рождения, вспоминает: «В страшные годы войны в Удмуртии жизнь становилась все невыносимее. Надежда на ее улучшение появилась у нашей семьи с переселением на работу в Мурманскую область. Продали все: швейную машину «Зингер», пчел с пасеки, одежду. Из города Глазова в апреле 1943 года отправили целый эшелон гражданских людей на работу в колхозы Мурманской области. Ехали долго. Целый месяц. На станции Лоухи бедные люди испытали страх: налетели немецкие самолеты, бомбили и строчили из пулеметов. Бежали от эшелона враспылку, кто куда. Тогда обошлось без людских потерь. Поездом приехали в Кандалакшу в мае месяце. Затем нашу семью и еще несколько таких же горемычных семей... морем на барже привезли в Княжую Губу. Разместили в пустых домах деревни. Всем взрослым предложили работу. Так, бабушка моя Анна

Семеновна работала в колхозе «Коммунар» разно-рабочей. Дедушка Сергей Ларионович всю жизнь отработал строителем. Этой профессии он не изменил и в годы войны, работая в колхозе. Несколько семей работали в МРСе: вязали сети, невода».

Юлии не было 13 лет, когда ее попросили поработать летом. Заготавливали веники (кирпачи) для скота. Была установлена норма, которую необходимо было выполнить. Старшие мальчики много раз воровали заготовленные Юлей веники. Приходилось вновь идти в лес и до глубокой ночи резать корм. Рассказала девочка матери об этом. Она заступилась за дочь. И Юлию перевели на другую работу, но более трудную. Осушали болото на Лыканке (теперь здесь располагается электроподстанция). Зимой вместе с матерью шли на лесобиржу грузить вагоны лесом. Весной вернулись в деревню. Жить стало легче: мать и Юлию взяли в рыбацкую артель ловить весеннюю селедку. Ловилась она хорошо. В семье появились мука, хлеб, подсолнечное масло. В четырнадцать лет Юлию взяли на тоню рыбачить. Вначале было скучно, затем привыкла. 5 лет с весны до глубокой осени рыбачила, а зимой была на лесозаготовках.

Вспоминает Е. А. Полубелова: «Переживая трагедию репрессий, на княжегубцев навалилась новая напасть — война 1941 года. Молодежь и комсомольцы вечерами собирались в клубе: читали газеты, следили за сводками с фронтов, шумно обсуждали события тех тревожных дней и ночей. В конце июня группа молодежи решила не ждать повесток из военкомата, а идти добровольцами на фронт.

Уже в июне 1941 года в село стали поступать эвакуированные из Карелии (Лоухского района). Через некоторое время их отправили морем в Архангельскую область. Некоторые остались в селе жить в домах, где жили их родственники.

В каждом доме проживало по две-три семьи. Могли вспыхнуть любые инфекционные болезни. Чего не случилось благодаря её заботам. В сельской школе организовала из учащихся старших классов звенья сандружинниц. Проводила с нами занятия по оказанию медицинской помощи пострадавшим. Мы должны были проверять учащихся на чистоту рук, головы.

В мае 1943 года морем из Кандалакши привезли эвакуированных (впоследствии я узнала — они были переселенцами) из Удмуртии. Мы их встречали на причале ночью. Это были в основном женщины с детьми, мужчин было мало. Их также рассели-

ли в домах, где были «свободные места». Устроили в колхоз «Коммунар» работать. Прибывшим в село было труднее всех, так как у местных и кто прибыл ранее (1941 г.) что-либо было свое: огороды, рыба, коровы, козы. Доброта наших сельчан спасла многих тогда. Делились с ними последними продуктами питания. Особенно жалели детей. Если приходили дети в дом, обязательно наливали ребенку стакан молока, кормили чем могли. Давали с собой картошки».

О работе сельской школы в годы войны рассказал Н. П. Береснев [25]: «Не сидели сложа руки, и подростки, и даже дети.

Пионеры помогали семьям фронтовиков, ухаживали за колхозными полями, заготавливали сено, ягель, водоросли, собирали ягоды, грибы для райпищекомбината, а заработанные деньги вносили в фонд обороны. Помогали осваивать целину, сооружать силосные ямы, овощехранилище, в осенне-зимний период собирали золу для удобрения полей, учились обрабатывать шерсть, вязать рукавицы и носки для воинов. В то время люди не думали об учете того, что сделано для фронта. Только в ноябре 1941 года ученики княжегубской семилетки на постройку танка «Юный патриот» собрали 420 рублей деньгами и 780 рублей облигациями. На постройку авиаэскадрильи «Советский Мурман» коллектив учителей и учащихся школы №17 внес 2538 рублей деньгами и 2210 — облигациями. За 1943/44 учебный год учащиеся княжегубских школ, в которых едва насчитывалось 400 человек, внесли в фонд обороны 2998 рублей и на 5685 рублей облигаций, на 925 рублей приобрели облигаций военного займа».

«Здание школы ... серьезно пострадало от вражеских налетов. Заниматься в нем было нельзя. Школу и интернат разместили в пяти домах, конфискованных в свое время у богачей. Стекла в рамах составлены из кусочков, кое-где вместо стекол фанера, небольшие дыры заткнуты чем попало. В классах холод. Ребяточки сидят в пальто и рукавицах. Чернила после занятий ставим в печку, чтобы не замерзли. Керосин в лампах какой-то ржавый, горит плохо. Советуют подсолить. Шутка? Но подсаживаем — и в самом деле какое-то время горит лучше. А вот если сгорел фитиль — целая проблема, разбилось стекло — еще хуже. Учебников, тетрадей мало. Пишем на старых газетах, Многого не хватало в те годы, но главное — был мир. Возвращались фронтовики, истосковавшиеся

по краю родному, по любимому делу. День ото дня жизнь в селе становится полнокровнее. В свободное время люди читают книги, тянутся в клуб на лекцию, или в кино, или на самодеятельный спектакль, или потанцевать. А школьники увлеклись краеведением. Из собранных материалов сделали несколько рукописных сборников о растительном и животном мире, о морских промыслах и орудиях лова; составили задачник на местном материале, сборник произведений устного народного творчества. Ребята любовно оформили различные макеты, коллекции. Сделали чучела птиц. Все это в 1946—1949 годах экспонировалось на областных краеведческих выставках, но, к глубокому нашему огорчению, в школу не вернулось. Особенно жаль редких фотографий, восстановить которые впоследствии не удалось...

Занимаясь краеведением, ребята расширяли свой кругозор, изучали природу и быт Княжой Губы, нащупывали замурованное временем «окно» в былое. И проникались сознанием, что все познаваемое является жизненным фундаментом Княжегубья» [26].

Запечатлела история и случаи курьёзные, случившиеся во время войны. Хотя в этом случае — больше трагического, чем смешного, а ещё больше нелепого. Я взял его из материала Игоря Чеснокова, опубликованного в «Мурманском вестнике». А ему историю, по его словам, рассказал уже знакомый нам краевед из поселка Лесозаводского Анатолий Ильич Патраков.

Этот эпизод связан с ковдским железнодорожным мостом. Стратегический объект «Ковдские железнодорожные мосты» во время войны охранял вместе с боевыми товарищами от фашистских бомбардировщиков молодой, но опытный уже летчик 760-го истребительного полка старший лейтенант Виктор Крупский. Свидетелем этому стала тогдашняя жительница Ковды Юлия Ефимовна Чулкова. На её глазах в марте 1943 года все и произошло.

Взлетев утром с аэродрома близ поселка Белое Море, пилот Виктор Крупский приступил к охране мостов на станции Ковда. Проходя над ними на своём самолёте-биплане И-153 «Чайка» [27], Крупский увидел в небе разрывы зенитных снарядов и шедшие со стороны границы вражеские бомбардировщики.

Пока И-153 делал боевой разворот для атаки врага, на него свалился из-за облаков фашистский истребитель и с ходу дал очередь из крупнокали-

берного пулемета по «Чайке», отрезав ей всю хвостовую часть.

Практически потеряв управление, И-153 рухнул вниз. Летчик изо всех сил тянул штурвал на себя, пытаясь вывести самолет из падения.

С большим трудом ему удалось направить истребитель в сторону запасного зимнего аэродрома, располагавшегося на льду реки Ковды при впадении ее в море.

Но быстро обнаружилось, что пробит и топливный бак. И когда пилот уже увидел впереди реку и деревню на берегу, топливо кончилось.

Самолет еле-еле дотянул до места посадки, но не смог спланировать и сесть, а ухнул с грохотом на лед, пробив его.

От такой посадки отлетели шасси и крылья, а остатки фюзеляжа начали погружаться в воду. Правда, происходило это не быстро, то ли плавучесть корпуса, то ли торчащие обломки не давали самолету затонуть мгновенно.

Зато к месту его падения быстро прибежали колхозники, видевшие, как всё произошло.

Чей это самолет — с ходу было не определить: хвост с красной звездой оторвало ещё в воздухе, крылья при ударе разлетелись.

А поскольку наша противовоздушная оборона работала неустанно, то решили, что сбит вражеский самолёт.

А к фашистским пилотам у местного населения ничего, кроме ненависти, и быть не могло. Натерпелось немало. Даже просто пролетая над деревней, фашистские асы нередко поливали огнём мирных жителей и животных.

И вот, едва мужики вскрыли фонарь кабины, как какая-то женщина с гневными криками лопатой приложила летчика по голове.

Но когда, ухватив за одежду, сельчане вытащили пилота из кабины — ахнули, увидев на гимнастерке ордена Красной Звезды, Красного Знамени и медали.

Тут уже началась операция по спасению, во время которой выяснилось, что лётчик Виктор Иосифович Крупский еще и Герой Советского Союза.

Спасали и приводили в чувство Виктора Крупского в кандалакшском госпитале. Тут, конечно, и без извинений не обошлось и, когда можно стало, посмеялись над происшествием. Виктору Иосифовичу тогда было всего 23 года. Звание Героя Советского Союза ему присвоили всего за месяц до этого.

После госпиталя он, продолжая воевать, стал еще и опытным штурмовиком [28].

Говорят, в сельсовете Ковды долго еще хранился планшет летчика, которого сначала едва не угробили местные жители, а в итоге спасли [29].

В Великой Отечественной войне 1941-45 годов жителей Княжой Губы участвовало более 130 человек, каждый второй не вернулся.

22. КОНЕЦ Сороковых — НАЧАЛО Пятидесятых годов

После окончания войны несколько семей уехали на родину в Удмуртию. Начали открываться православные храмы, ранее закрытые властью. В Княжой Губе этого не произошло.

В эти годы от села Княжая Губа и вверх по озеру Ковдозеро проводились изыскательские работы по составлению проекта строительства гидроэлектростанции. Здание церкви-клуба попадало под снос, и его разобрали по бревнышку и увезли на другое место.

«Протоиерей Илья Кутузов — настоятель Свято-Никольской церкви села Ковда в 1947 году окормлял огромную территорию: Кандалакшу, Княжую Губу, Моша, Конец-Ковдозера, Кирики и другие участки. Всех нас он крестил». (Надежда Иванова)

«В 1949—1950 годах в село приезжал священнослужитель из церкви села Ковда для проведения служб. В доме жителя Мурашова Якова Ивановича проводились крестины детей втайне от родителей: бабушки приводили своих внуков на квартиру и там детей крестили (запись беседы — март 2007 год [30]). По воспоминаниям Е. Н. Денисова: жительница села Яковлева с 1952 по 1956 год сама проводила крестины детей всего села. Принадлежности для свершения таинства у нее были в доме. Евгений Николаевич сообщает, что он приехал в село в 1952 году. Он своими глазами видел добротное здание церкви-клуба. И когда началось строительство отводного канала, то оно попало под снос. Его разобрали, часть материала увезли в Конец-Ковдозера и сложили из него контору. А часть здания церкви пропало безвестно» [31].

В 1946 году Кандалакшская моторно-рыболовецкая станция (МРС) организовала в «Коммунаре» две мастерские: сетевязальную и по изготовлению карбасов по заказам колхозов. Карбасы строили

грузоподъемностью от 1,5 до 2-х тонн. Они изготавливали тягловые и ставные неводы для МРС и колхоза.

В 1946 году состоялось открытие пионерского лагеря. Начались изыскания и исследования бассейна реки Ковда под проектирование и строительство Княжегубской ГЭС.

Уже в 1946 году состоялась очередная экспедиция «Ленгидроэнергопроекта». Экспедиция работала над проектированием будущей гидроэлектростанции. Местные жители тоже стали работать в этой экспедиции. На лошадях возили грузы, поступающие на железнодорожную станцию Княжая, — дорог и автомашин в деревне и округе еще не было. В любую погоду летом и зимой развозить грузы нужно было быстро — торопило время. Одна экспедиция за другой (топографы, геологи, гидрологи) подгоняли друг друга. Пробивали дороги, ставили скважины, бурили землю вручную. Брали грунт для пробы и отправляли в лаборатории города Ленинграда. Воду из озера Долгое признали самой чистой и отличной питьевой водой для будущего поселения гидростроителей.

Эта экспедиция была не первой. Сооружение ГЭС на реке Ковде предусматривалось ещё планом ГОЭЛРО, а тот, в свою очередь, по разным источникам, строился на основе планов, разработанных до 1917 года.

Выходец из России, политэконом и статистик Карл Баллод под псевдонимом «Атлантикус» опубликовал в 1898 году в Германии свою самую значительную работу «Государство будущего». В 1906 году она была опубликована на русском языке в Санкт-Петербурге под редакцией М. В. Бернацкого [32]. Этот труд впоследствии стал одним из оснований для разработки плана ГОЭЛРО. Баллод характеризовал свой труд как теоретическую базу создания социального государства.

ГОЭЛРО — это Государственная комиссия по электрификации России — государственный план развития электроэнергетической отрасли в Советской России после Октябрьской революции 1917 года.

По некоторым источникам, подготовка проекта масштабной электрификации России велась ещё до революции 1917 года Петербургской электрической компанией. Но в годы Первой мировой войны (1914—1918) невозможно было начать его реализацию по причине больших военных расходов. По другим данным, основой плана ГОЭЛРО стали на-

работки созданного в 1916 году отдела энергетики академической комиссии по изучению естественных производительных сил России (КЕПС), преобразованного в 1930 году в Энергетический институт АН СССР.

В Большой электронной российской энциклопедии 2004—2017 написано так: «В основу плана ГОЭЛРО был положен план, разработанный в 1915–16 годах Г. М. Кржижановским, который обосновал значение строительства мощных районных электростанций на базе местных топливных и гидроэнергетических ресурсов, а также необходимость их объединения в крупные электроэнергетические системы. Разработка плана осуществлялась сформированной в феврале 1920 г. Комиссией ГОЭЛРО во главе с Кржижановским (по другим источникам — В.И. Лениным).

Во всяком случае, первичные исследования (по книге Н. П. Береснева) бассейна реки проводились в 1917-м, затем в 1920-м и в начале 30-х годов. По их результатам в 1934-35 годах Ленгидэп [33] сделал первые наброски.

И вот после войны работы возобновились. Район изысканий охватывал весь бассейн Ковдозера и перешеек между ним и губой Княжая Белого моря. Эта водная система протянулась почти на триста километров, начиная от Топозера в Северной Карелии. Именно с верховий и начали работать изыскатели.

Ковдозеро, из которого вытекает Ковда, значительно выше уровня Белого моря. Реку в месте её истока предстояло перегородить плотиной, близ села Княжая Губа. Возвести здание ГЭС и к нему от Ковдозера прорыть подводящий канал.

Единственным транспортным средством были лошади, их запрягали в волокуши, поскольку дорог ещё не было. На воде пользовались вёсельными лодками. В качестве подвижных электростанций — старые буровые станки К-300 с приводом от нефтяных двигателей «Кировец».

В связи с резко возросшей потребностью народного хозяйства Мурманской области в электроэнергии, проектирование Княжегубского гидроэнергетического комплекса, впервые в практике Ленгидэпа, вели, минуя стадию технического проекта.

По воспоминаниям — в деревенских семьях в то время было от двух до пяти детей, но все дети были дружными, отзывчивыми, не держали зла друг на друга. Тяжелое военное и послевоенное время объ-

единыло всех. Игры придумывали сами. Старшие, оканчивая школу, разъезжались поступать в другие учебные заведения. В деревню возвращались, к сожалению, не многие. Лишь несколько жителей вернулись в Княжью Губу специалистами.

Во время войны и в последующие годы стало развиваться сельское хозяйство. С 50-х годов стали увеличиваться посевные площади для зеленых кормов за счет осушения и освоения болот.

Одновременно занимались улучшением сенокосных участков в районах Алакуртти и Куоляярви. Здесь вели подсев трав: тимopheевки, овсяницы луговой. Весной делали подкормку трав минеральными удобрениями. Уборку травы производили колесными тракторами, применяли конные грабли. Заготовленное сено сушили в зародах.

Колхоз заготавливал достаточное количество сена и у государства не покупал. Приобретали комбикорм, овес, ячмень. В 50-е годы в колхозе было около 40 голов крупного рогатого скота, порядка 10 лошадей, овец до 100 голов. В эти годы стали строить новые коровник и телятник. Ликвидировали нерентабельных животных: овец и малопродуктивных коров. Стали заводить высокоудойные породы коров, в основном холмогорскую. Для этого из Архангельской области закупили быков-производителей, а из Карелии Олонецкого района — 8 племенных телочек (нетелей). Подобрали добросовестных доярок. Надои выросли с 2800 литров почти в два раза.

После войны можно было заняться отложенной на потом проблемой жилья. Начали разбирать на лесозаводе №8 двухэтажные дома и перевозить их зимою тракторами и машинами-газгенами [34] через лёд залива в посёлок Лесозаводский.

В послевоенный период в 50-х годах привезены через станцию Ковда и поставлены так называемые финские домики производства Петрозаводского домостроительного комбината. Застроены улица Потанина и часть Центральной улицы.

Беседуем с Анатолием Алексеевичем Шошиным — коренным жителем Лесозаводского поселения:

— (Шошин) Конец 40-х годов. Мне было пять-шесть лет. Хорошо помню.

В центре посёлка Лесозаводский были клуб и столовая. В столовой всегда было много людей. Ели, всегда было пиво бочковое. Пили пиво, водку — не стеснясь. Я бывал там часто, потому что там работала моя родственница.

Я помню за столом и директора лесозавода вместе с людьми, с рабочими. Люди сидели после работы: приходили поесть, выпить и пообщаться. Всегда было много народа, всегда было накурено.

Условия быта были порой ужасные. Непогода, высушить бельё негде. Спать можно было только таким образом. Но, видимо, хорошо платили.

А вот здесь, напротив нас, и ещё в одном месте — был туалет. Но это удивительный туалет. Для всех, кто здесь жил — видимо, сезонных и постоянных — было всего два туалета.

Помещение туалета состояло из двух частей. В одной было кабинок пять или шесть по два очка с одной стороны. С другой стороны — пять-шесть кабинок по два очка. Центр был перехвачен крышей отдельно между этими отделениями — планировалось, что должна проезжать лошадь с баком — для вывоза отходов. Но уже при мне эти отходы никто не вывозил. А люди постоянно ходили... И вот этот огромный ряд — я из окна замечал, что люди время от времени забывали закрыть за собой дверь. Как раз напротив нашего окна. Эти туалеты стояли до конца шестидесятых. А один такой туалет до сих пор стоит и используется как сарай, но он жив.

И эти туалеты — шведское изобретение. Это делали шведы. Вся система здесь была шведская. Они начинали обустраивать. Шведские специалисты были очень уважаемые люди. Некоторые, в 24-м году, помоему, когда завод перестал быть частным — стал государственным, часть из них осталась, часть уехала. Те, которые остались, они разъехались по Советскому Союзу. Одного из потомков я видел в Мурманске, когда работал там. А другие постарше — они приезжали сюда, и они общались с мамой, которая в 1929 году приехала с отцом. И наши пиломатериалы очень ценились до последнего. Они вывозились все за рубеж. Это была как «труба» теперь. Единственная труба и лес был важен.

Я говорю об атмосфере. Это было после войны. Была определенная эйфория — то, что мы победили. Я помню эту эйфорию. А то, что была страшная бедность — я это тоже прекрасно помню. Но настрой людей, что мы победили, — он был сильнее, чем эти проблемы. И я помню, и это важно не только для меня — люди общались, люди радовались жизни. Я пьяных не помню! Люди выпивали, радовались, общались, умели праздновать советские праздники — очень хорошо это помню. Открыты форточки, открыты окна, музыка, гармошка, патефоны, песни. Это были пятидесятые годы.

— А вот бедность — она в чём выражалась? Своих хозяйств не было или, наоборот, выживали только за счёт своих хозяйств? (А. К.)

— Это Север. Часть людей кормилась лесом — грибы, ягоды. Потом море — это рыба. И это, конечно, было большое подспорье. Огородов было много, и я не понимаю почему, но были люди, которые не занимались огородами. Считали это ненужным делом.

— А что-то можно было вырастить, вообще-то, здесь? (А. К.)

— Картошка.

— А продавать, поставлять выращенное куда-то можно было? (А. К.)

— Понимаете, вот лесозавод. До недавнего времени мы говорили, что у нас две трубы — газ и нефть, а в то время была труба — «лес». Градообразующее предприятие. И кто в то время работал здесь, они по тем временам прилично получали. Работали детский сад и ясли. Полно детей в школе, в детском саду и в яслях. Помню больницу, я там родился. По сравнению с сегодняшним временем, люди были другие. Победа — это великое дело! Люди умели вкалывать и отдыхать. Я не помню пьяных, но та атмосфера, которая была в столовой, — я помню.

* * *

Летом 1951 года на станцию Княжая начали прибывать строители. В числе первых были инженеры «Гражданстроя».

В следующем — 1952 году — началось строительство поселка Зеленоборский и Князегубской ГЭС. Это было большое переселение людей из всего Советского Союза.

По железной дороге из Кандалакши доставили несколько самосвалов, бульдозеров, небольшой экскаватор. И сразу же начали расчищать трассу и вести отсыпку и планировку автодороги от станции к будущему посёлку.

В августе начальником строительства назначили Семёна Григорьевича Цесарского. Спустя некоторое время вместо вагончиков-бытовок среди соснового массива появились первые домики. Заселение приурочили к кануну 34-й годовщины Октября и улицу назвали Октябрьской. От неё пошла улица Зелёная.

Домики, школа и клуб уже освещались светом, так как появилась передвижная электростанция.

Строительство не останавливалось. Небольшую улочку Зелёную теперь пересекала улица Средняя, на углу которой и будущей Магистральной построили продовольственный магазин, рядом столовую. На углу Средней и Энергетической — медпункт, а напротив — клуб «Строитель».

Остро ощущался недостаток электроэнергии. В основном на первом этапе строительства применялся ручной труд. При рытье котлованов под фундамент каменистую почву приходилось долбить вручную. Остались фотографии, запечатлевшие, как люди ломami и кирками роют огромный котлован.

Электронасосы переделывали в ручные. Потом начали прибывать многотонные детали, требующие разгрузки из вагонов, установки на местах, сборки. И здесь уже требовались краны, приводящиеся в движение электричеством.

Для этого сооружается ЛЭП-110 [35]. Она тянется через болота и скалы, при полном отсутствии дорог. Насыпают грунт, взрывают скальные породы. И 8 июля 1952 года электроэнергия пришла в Княжую Губу. Заработали экскаваторы, подъёмные краны, спецмеханизмы, ускорило строительство.

1952 год — образование поселка Зеленоборский. 24 апреля населённые пункты Лесобиржа, Подтайбола, Княжая Губа переименованы в рабочий посёлок Зеленоборский.

* * *

Из беседы с Надеждой Ивановой: «Посёлок Лесозаводский расположен на острове Олений у Белого моря».

Анатолий Алексеевич Шошин: «Ещё я хорошо помню 5 марта 1953 года. Обычно мы вставали всей семьёй в шесть утра. Радио всегда было включено. Слушали ежедневно информацию о здоровье Сталина. Когда он умер, мы все плакали. Я не ходил в этот день в школу — были проблемы со здоровьем. Знал, что в десять часов траурный митинг. Была непогода 5 марта — дул сильный ветер, шёл снег. Я шёл один до клуба на этот митинг. Мело страшно, а я шёл и плакал. Я захожу в клуб. Клуб полон народа. Я с трудом протиснулся. Все плечом к плечу, шапки сняты — и все плачут. И я плакал. И эту атмосферу я прекрасно помню».

1952—1956 годы — строительство Князегубской гидроэлектростанции. Перенос жилых домов, дворовых построек из зоны строительства отводного канала.

Рассказывает нынешний [36] директор Княжегубской ГЭС Вячеслав Александрович Саранский:

«Изыскания по строительству ГЭС проводились ещё до войны, но с войной были отложены. Стройка ГЭС началась в 1953-м. И первый агрегат пущен в 1955 году. Исторически интересно, что как такового проекта станции не было, поэтому некоторые технические задачи приходилось решать на месте. В частности, по этому станционному узлу — холостой водосброс. Водохранилище имеет наполнение — где уровень воды может меняться в связи с паводками и прочими сезонными изменениями. Требуется регулировка уровня. По проекту холостой водосброс планировали через здание станционного узла и через крышу».

На деле это выглядело так: вода широким потоком лилась бы через здание станции и уходила вниз. Практически всё здание, вся ГЭС была бы под водой. Но теперь вода проходит сквозь здание гораздо ниже. (А. К.)

«Но в связи с техническими сложностями осуществления такого решения, — продолжает Вячеслав Александрович — решили холостой водосброс перевести в село Лягкомино — Лягкоминский гидроузел. Там были построены плотина и гидротехническое сооружение. Вначале на три отверстия, потом сделали на шесть.

Сам подводящий канал. Он по проекту начинался там, где у нас была туристическая полянка. Там начали рыть канал. Но попали в моренные грунты, в данном случае — это ракушечник, известняк, который тысячу лет назад лежал на дне моря и теперь превратился в глину. Чем эта морена нехороша? Она, когда высыхает, — имеет твёрдую структуру. Но когда вода попадает — становится как болото. Экскаватором её не взять. И подводящий канал надо было сместить левее или правее. Там оказалась скала. Строители взорвали скалу и посчитали, что через скалу, хоть подлиннее работы, но тем не менее всё равно проще. Хотя полностью обойти морену не удалось.

Что ещё из проектных вещей интересно: то, что строительство здания ГЭС попало в такой переходный период. И видны архитектурные детали сталинской эпохи. Строили его метростроевцы. Ну и при строительстве ГЭС образовался посёлок Зеленоборский».

И ещё одну интересную подробность о строительстве Княжегубской ГЭС рассказал Вячеслав Александрович Саранский:

«Как часто было принято в то время — на строительстве использовали труд и заключённых. Но только на вспомогательных объектах — подводящие пути, дороги, обустройство территорий. На ответственных работах, связанных непосредственно со строительством ГЭС, на возведение узлов и блоков станции заключённых не использовали. На этих работах использовали специалистов и квалифицированных рабочих».

В феврале 1952 года в Зеленоборском открыт медпункт. В начале 1953 года больница. В этом же году произвели снос здания церкви (клуба). Состоялось перезахоронение останков княжегубских партизан, установка обелиска.

ВОЗРОЖДЕНИЕ САМОБЫТНОСТИ

В 1953 году состоялась первая саамская конференция. Она была посвящена сохранению языка, культуры и традиционного уклада. За 60 лет значительно выросло национальное самосознание лапландцев. Они организовали собственный выборный парламент, чтобы вести диалог с государствами, на территории которых проживают. Теперь у них есть все атрибуты самоидентичности — флаг и гимн. И пусть официальные правовые нормы накладывают некоторые ограничения на землевладение и использование природных ресурсов, жизнь саамов стала легче. В наши дни они вольны выбирать между старинными промыслами и городской жизнью — и многие остаются верны традициям [37].

В 1954-55 годах в поселке открылось автобусное движение, все дети села начиная с 4 класса ездили, а больше ходили своими ногами во вновь открывшуюся школу № 6 десятилетку. В селе до 1956 года были начальные классы.

В 1954 году в Зеленоборском уже работает больничный комплекс с терапевтическим, хирургическим, родильным, детским и инфекционным отделениями. Работает кабинет физиотерапии и грязелечебница.

В начале октября 1955 года — подводящий канал и хранилище перед ГЭС заполняются водой. И 21 октября 1955 года взрывается перемычка в приморской части отводящего канала.

В 1955 году окончена постройка нового сельского клуба.

Центром культуры был сельский клуб. В нем проводились встречи, собрания, проходили концерты и

танцы, читались лекции, демонстрировались кинокартины. Особенно весело было в деревне, когда на каникулы приезжали студенты. Они обязательно привозили новые пластинки, которые проигрывали на радиоле. Летом после долгих танцев не расходились, а продолжали игры на волейбольной площадке в волейбол, на пустыре в футбол, играли в лапту. В клубе всегда были полный зал народу от мала до велика.

20 октября 1955 года — состоялся пуск 1-го гидроагрегата Княжегубской ГЭС. 23 ноября 1955 года — пуск 2-го гидроагрегата. 29 декабря 1955 года — пуск 3-го гидроагрегата. 27 марта 1956 года — пуск 4-го гидроагрегата. Так с 1956 года Княжегубская ГЭС стала работать на полную мощность.

Во время строительства ГЭС населения было около 12 000.

Княжегубская ГЭС положила начало новому [38] — Ковдинскому каскаду электростанций. Иовская гидроэлектростанция вступила в строй в 1960 году, Кумская в 1962 году.

После постройки гидроэлектростанции сёмга стала постепенно исчезать, поскольку путь её ежегодного следования на нерест теперь перегораживала плотина ГЭС. И поголовье сёмги стало сокращаться. Можно ли было провести специальный обводящий канал для прохода рыбы на нерест?

Даже если теоретически допустить, что в здешних скальных породах путём многочисленных взрывных работ такой канал проложат, то и это не даёт гарантии, что сёмга восстановит прежний нерест. Как показывает опыт, в подавляющем большинстве подобных ситуаций рыба не воспринимает новый путь и не идёт нереститься. И лишь в единичных случаях удаётся всё восстановить по-прежнему.

Из книги Станислава Бородинкина «Славлю Ковдозеро»:

«В связи со строительством Княжегубской ГЭС в 50-х годах начался подъём уровня воды в Ковдозере. У деревни Лягкомино развернулось строительство дамбы и пропускных шлюзов. Много сил приложили люди, много сгубили техники, чтобы перекрыть два рукава Ковды. Дамба в 1954 году была построена. Река пересохла, так как стоят на отводном канале многотонные шлюзы — затворы. Перестали журчать и звенеть водопады, играть водовороты. Не идут больше сёмга и хариус в Ковдозеро — нет им прохода... Стали уезжать люди из деревни, и Лягкомино как место жительства оседлых карелов и русских перестало существовать...»

«Умирание села началось в 1955 году, когда при строительстве Княжегубской ГЭС реку Ковду на выходе из Ковдозера (ставшего теперь Княжегубским водохранилищем) перекрыли плотиной и большую часть воды направили в море другим путем — по искусственному каналу до Княжей Губы. По реке теперь не могла идти на нерест сёмга, главная промысловая рыба этих мест. Анатолий Иванович Прокопьев, староста села, рассказывает: «Когда реку перекрыли, ГЭС построили Княжегубскую, рыба стала плохо ловиться, колхоз разоряться, и все начали укрупнять, да так наурупняли, что везде все развалилось».

Колхоз «Коммунар» — рыболовецкий колхоз, ловили сёмгу. Колхоз-миллионер в пятидесятые. В пятидесятые-шестидесятые годы выращивали капусту, турнепс, разводили коров, выращивали и держали лошадей, заготавливали зелёную массу. Было много овец, огородов.

(Окончание в №11-12 2026 г.)

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Алексей Иванович (1822—1892) — учёный, профессор Николаевской академии Генерального штаба, генерал-лейтенант.

[2] (1820—1882)

[3] На современной навигационной карте остался остров Пасынок Еловца и еловецкие отворы.

[4] Возможно, «Гилеланд».

[5] 1 сажень — 2,1336 метра

[6] В 1918—1920 годах

[7] Летом 1916 года в плен было взято от 300 до 500 тысяч австро-венгерских военнослужащих.

[8] Численностью около 200 человек.

[9] Г. Н. Глебов, издательское бюро института рыбного хозяйства, Москва, 1926 г.

[10] («Кандалакшский коммунист». 28.12.1966 г. Статья «К новой жизни»)

[11] Центральный комитет Всесоюзной коммунистической партии большевиков.

[12] Уже в 1918 году

[13] МКИ. 1997 г., гор. Мурманск.

[14] Ю. П. Бардилова. — Выступление на IV Ушаковских чтениях в МГПУ 2.03.2007 г. — (конспект С.Ф. Бородинкина).

[15] Статья Ю. П. Бардиловой. Священники-шпионы. Журнал «Наука и бизнес на Мурмане», стр. 34-35 (из книги Бородинкина «История села Княжая Губа»).

- [16] С.Ф. Бородкин «История села Княжая Губа».
- [17] Сейчас в этом здании телефонная станция (А.И. Патраков)
- [18] Сгорел в январе 1943 года.
- [19] Сельсовет просуществовал до 1957 года.
- [20] Запись беседы, сентябрь 2004 года. С.Ф. Бородкин.
- [21] Июль 2023.
- [22] С.Ф. Бородкин.
- [23] Лякомино.
- [24] 1984 год.
- [25] В книге С. Ф. Бородкина «История села Княжая Губа».
- [26] Н. П. Береснев. «Княжая Губа». МКИ, 1987 г. Стр. 10-11.
- [27] Предвоенный советский поршневого манёвренный истребитель-биплан. Разработчик Поликарпов.
- [28] После войны командир эскадрильи майор В.И. Крупский служил в авиации, демобилизовался по состоянию здоровья. На руководящих должностях дошёл до председателя колхоза и председателя Орловского облисполкома.
- [29] По материалам: Игорь Чесноков. «На «фрица» — с лопатой», Кандалакша. Мурманский вестник от 15.10.2004.
- [30] С.Ф. Бородкин.
- [31] С.Ф. Бородкин.
- [32] Михаил Владимирович Бернццкий (1876—1943) — российский учёный-экономист. Министр финансов Временного правительства (1917).
- [33] Ленинградское отделение Всесоюзного проектного института «Гидроэнергопроект».
- [34] Автомобиль с газогенераторным двигателем, работающим на дровах.
- [35] Линия электропередачи.
- [36] 2023 год
- [37] (интернет МИР ИСТОРИИ — WON)
- [38] В 1953 году был создан Каскад Нивских ГЭС.

Анатолий Юрьевич КОЗЛОВ —

член правления С.-Пб отделения Союза писателей России. Секретарь СП России, член приёмной комиссии. Главный редактор ежегодника «Петербургская литература».

Писатель-прозаик, историк, журналист, драматург, поэт, критик, сценарист.

Лауреат и дипломант более десятка литературных премий, в том числе:

— Серебряный лауреат национальной литературной премии «Золотое перо Руси» 2008 г.

— Диплом всероссийской премии им. Александра Невского (Санкт-Петербург) 2010 г.

Награждён медалью «Генералиссимус Александр Суворов» за вклад в патриотические традиции, 2014 г. Лауреат историко-патриотической премии им. А.К. Толстого в номинации «публицистика» за книгу «Тысячелетний путь литературы» 2016 г.

Лауреат историко-патриотической премии им. А.К. Толстого в номинации «драматургия» за пьесу «Мы себе цену знаем» 2019 г.

Лауреат премии им. В. Голявкина 2022 г.

Автор более десятка книг.

